

Алекс Твиркель

*Судья: хроника Виктора
Морозова*

СУДЬЯ
18+

Алекс Твиркель

Судья: хроника Виктора Морозова

«Автор»

2026

Твиркель А.

Судья: хроника Виктора Морозова / А. Твиркель — «Автор»,
2026

Он родился «правдолюбом» — и стал палачом. История Виктора Морозова, которого мир узнает как Арбитра. От детства в эмигрантской коммуналке Чикаго до ночи, когда он шагнул с крыши. Система отняла у него всё: отца, мать, тётю Иру, раздавленную машиной сына застройщика. Судья вынесла приговор — штраф. Тогда мальчик, хранивший дневник несправедливости, поклялся восстановить баланс своими руками. Латунные весы, мастерская в заброшенной часовне, первые жертвы и публичный суд над прокурором Гриффином. Хроника восхождения и падения человека, который верил, что правду можно достать со дна, даже если утонешь сам.

© Твиркель А., 2026

© Автор, 2026

Алекс Твиркель

Судья: хроника Виктора Морозова

Судья: Хроника Виктора Морозова

Хронология жизни и трансформации

Часть I: УРОКИ БЕССИЛИЯ (1992–2009)

Глава I: Правдолюб (1992–1999)

Виктор Морозов родился 25 февраля 1992 года в Санкт-Петербурге, в семье инженера-эмигранта и учительницы музыки. Его детство началось в серых стенах коммуналки, но уже в три года судьба забросила его за океан — в Чикаго, город, который станет для него и домом, и полем битвы.

Отец, Александр Морозов, устроился в международную строительную компанию. Мать, Светлана, давала уроки фортепиано на дому. Жизнь, казалось, налаживалась. Но 12 ноября 1995 года самолёт, на котором летел Александр, рухнул где-то над Канадой. Компания признала «техническую неисправность», выплатила вдове минимальную компенсацию и закрыла дело. Светлана осталась одна с трёхлетним Виктором на руках, без языка, без связей, с искалеченной верой в справедливость.

И тогда в их жизнь вошла она — тётя Ирина. Сестра матери, шумная, щедрая, пахнущая пирогами и духами «Красная Москва». Она бросила свою скромную жизнь в Бруклине и переехала в Чикаго, став для Виктора не просто родственницей, а второй матерью, солнцем в его ещё не омрачённом мире.

Летом 1996 года тётя Ира купила подержанную видеокамеру формата 8 мм. И началась летопись счастья. Дача под Чикаго, которую они снимали на лето. Зелёная трава, шланг с водой, Виктор — смеющийся мальчишка, убегающий от струи. Тётя Ира в кадре — хватается его, обнимает, смеётся. «Витенька, дай портфель!» — её голос звенит за кадром. Потом они едят арбуз на ступеньках, выплёвывая семечки. Она подмигивает в объектив: «Вот вырастешь, Виталька, всё у тебя будет. И справедливость твоя настоящая будет. Не как у них, бумажная. Ты же у нас правдолюб!»

«Правдолюб». Слово, которое он тогда не до конца понимал, но впитал, как губка. Оно стало его талисманом, детским оберегом от тёмного, непонятного мира взрослых. Тётя Ира верила в него слепо. И он верил ей.

Но уже тогда, в эти золотые дни, тень системы коснулась их семьи. Друг отца, дядя Леонид, тоже эмигрант, работавший на стройке, получил ножовое ранение в драке с сыном прораба. Дело замяли. Виновника — отпрыска влиятельного человека — судили формально: два года условно. Дядя Лёня остался без почки и без работы. В восемь лет Виктор впервые услышал слово «условный срок» и увидел, как взрослые мужчины плачут от бессилия. Он спросил у тёти Иры: «Почему тому, кто ударил, — ничего, а дяде Лёне — нет почки? Это справедливо?»

Тётя Ира сжала его плечо, её глаза стали твёрдыми. «Нет, Витя. Это не справедливо. Это — закон. А закон иногда слеп».

Он не понял разницы. Но запомнил. Запомнил навсегда.

Глава 2: Первые трещины (2000–2003)

Детство закончилось 3 марта 2003 года. Виктору было одиннадцать. Из их квартиры украли всё: деньги, немного бижутерии матери, старый фотоаппарат. Но главное — исчезла маленькая шкатулка с его «сокровищами», среди которых были наручные часы, подаренные ему отцом на последний день рождения перед полётом.

Полиция отреагировала вяло. Детектив, тяжёлый мужчина с усталыми глазами, принял их заявление, пообещал «разобраться». Через неделю Светлана привела Виктора в участок узнать о прогрессе. В кабинете детектива было душно, пахло старым кофе и табаком. И тут Виктор увидел их. Свои часы. Они лежали на столе детектива среди бумаг, блестя стальным браслетом.

«Мам, — прошептал он, дергая мать за рукав. — Смотри. Мои часы».

Светлана побледнела. Подошла ближе. «Извините, детектив... эти часы... они очень похожи на украденные у нас...»

Мужчина медленно поднял на неё глаза. Ни тени смущения. Лишь ленивая, почти презрительная усмешка тронула уголок его рта. Он взял часы, повертел в пальцах. «Похожи? Миллионы таких. Без номеров. К сожалению, миссис Морозова, улик нет. Дело, считай, в тупике. Но мы, конечно, продолжим... если что-то всплывёт».

Он улыбнулся. Улыбнулся, глядя на украденные у ребёнка часы, лежавшие у него на столе. В этой улыбке не было ни злобы, ни даже жадности. Было абсолютное, леденящее душу равнодушие. Система в его лице показала Виктору своё истинное лицо: она не просто слепа. Она цинична. Она служит сама себе.

Светлана ничего не сказала. Просто взяла Виктора за руку и вывела из кабинета. Он чувствовал, как дрожит её ладонь. На улице она вдруг остановилась, прислонилась к стене и закрыла лицо руками. Плечи её вздрагивали. Виктор стоял рядом, сжав кулаки, чувствуя, как внутри него что-то закипает — беспомощное, яростное, детское. Он не мог защитить мать. Не мог вернуть часы. Не мог ничего.

«Правдолюб». Слово тёти Иры вдруг стало горьким и пустым. Какая правда? Где она?

Через два месяца Светлана заболела. Врачи говорили о стрессе, о подавленном иммунитете. Она сгорела за несколько недель, как свеча на сквозняке. 8 мая 2003 года её не стало. Виктору было одиннадцать. Теперь у него оставалась только тётя Ира.

И дневник. Простая тетрадь в клетку, куда той же ночью он вывел корявым, срывающимся почерком: «Сегодня мама умерла. Врачи сказали, что не смогли помочь. А детектив, который украл мои часы, живёт дальше. Где справедливость? Я не понимаю».

Следующая запись появилась через несколько дней, после похорон: «Тётя Ира говорит, надо быть сильным. Она теперь моя мама. Но я не хочу быть просто сильным. Я хочу понять. Почему плохие люди не получают по заслугам?»

Он ещё не знал, что этот детский, наивный вопрос станет стержнем его всей будущей жизни. Правдолюб начинал свою первую, мучительную переписку горя. Счёт только открывался.

Глава 3: Уравнение с неизвестными (2004–2008)

Школа для Виктора перестала быть местом учёбы. Она стала лабораторией, полем для наблюдений за социальной механикой несправедливости. Его тетрадь «Дневник несправедливости» росла, превращаясь из детских вопросов в методичный анализ. Он не просто фиксировал факты — он искал закономерности.

Однажды, в 2004 году, он стал свидетелем того, как старшеклассник из богатой семьи, врезавшись на новом BMW в забор, отделался лишь лекцией от школьной администрации. В тот же день другого ученика, сына уборщицы, отстранили от занятий на неделю за драку, которую тот не начинал. Виктор вырезал из местной газеты две заметки: одну — о новом благотворительном фонде, созданном отцом того самого старшеклассника, другую — о сокращении финансирования школьных программ в бедных районах. Он вклеил их рядом в дневник и провёл между ними жирную красную линию. Подпись: «Связь. Деньги → Иммунитет → Молчание».

Тётя Ира, видя его мрачное увлечение, пыталась вернуть его к жизни. На его четырнадцатилетие она подарила ему потрёпанный том «Трёх мушкетёров» на русском. «Вот, учись, — сказала она, обнимая его. — Один за всех, и все за одного. Так и надо жить. Держаться друг за друга. А то здесь...» Она махнула рукой в сторону окна, за которым шумел чужой город. В её глазах мелькнула знакомая Виктору тоска, но она тут же смахнула её улыбкой. «Ничего. Мы провёмся. Ты у нас умный. Ты всё справишь».

«Исправишь». Это слово запало ему в душу. Оно звучало как приказ, как благословение и как проклятие одновременно. Он хотел верить ей. Но его дневник кричал об обратном. Он видел, как рушатся жизни вокруг: семья дяди Леонида, спивающаяся от безысходности; соседка, потерявшая дом из-за хитрой ипотечной схемы; его собственный школьный учитель истории, уволенный за то, что пытался говорить на уроках о коррупции в мэрии.

Виктор начал читать. Не школьные учебники, а юридические кодексы, учебники по криминалистике, статьи о громких судебных процессах. Он изучал не столько законы, сколько дыры в них. Его интересовала не теория правосудия, а практика его извращения. Он вёл досье — сначала на бумаге, потом на старом компьютере. В папке «Система» появлялись имена судей, известных мягкими приговорами богачам; полицейских, замеченных в связях с преступными группировками; чиновников, чьё благосостояние росло вопреки логике.

Он стал тихим, замкнутым подростком с слишком взрослым, оценивающим взглядом. Сверстники считали его странным. Учителя — подающим надежды, но слишком мрачным. Только тётя Ира видела в нём ту самую искру «правдолюба», но теперь и её вера была окрашена тревогой. Она чувствовала, как её мальчик ускользает в какой-то холодный, отстранённый мир, из которого она не могла его вытащить.

В 2008 году, за год до рокового удара, он сделал последнюю «мирную» запись в дневнике, уже почти взрослым, чётким почерком: «Изучил 17 случаев судебных решений по аналогичным делам. Вердикт зависит не от статьи, а от колонки «доход» в налоговой декларации обвиняемого. Коэффициент корреляции — приближается к 0.9. Система не просто порочна. Она предсказуема в своей порочности. Это уже не болезнь. Это диагноз. А диагноз требует лечения».

Он ещё не знал, каким будет лечение. Но пациент был выбран. Вся система в целом.

Глава 4: Точка отсчёта (19 сентября 2009)

19 сентября 2009 года началось как обычная суббота. Виктору было семнадцать. Он сидел за компьютером, дорабатывая схему связей между городским департаментом строительства и компаниями-подрядчиками. Тётя Ира собиралась в аптеку — у неё разболелся зуб.

«Схожу, Витенька, быстро, — сказала она, надевая старое пальто. — Может, ещё тебе чего принести?»

«Не надо, тёть Ир. Давай я схожу?» — оторвался он от монитора.

«Сиди, умник свой интернет копай. Я сама».

Она улыбнулась своей широкой, тёплой улыбкой и вышла. Это была последняя улыбка, которую он видел на её живом лице.

Звонок раздался через два часа. Незнакомый голос в трубке, взволнованный, говорил что-то про ДТП, про пешехода, про «Скорую». Виктор выбежал из дома. На перекрёстке в трёх кварталах от их дома он увидел знакомое пальто, беспомощно распластанное на асфальте, и тёмное пятно, растущее вокруг. Машины стояли, мигал синий свет полицейской машины. Кто-то говорил: «Да она прямо под колёса бросилась...» Другой: «Да внаглую нёсся, светофор проскочил...»

Водитель, молодой парень в дорогой кожанке, стоял, прислонившись к своему разбитому «BMW M5». Он не выглядел пьяным, но в его глазах была странная, стеклянная отстранённость. Он что-то бормотал адвокату, который появился на месте быстрее, чем вторая машина «Скорой».

Тётю Иру увезли, не приходя в сознание. Виктор провёл в больничном коридоре трое суток. На четвёртое утро врач, избегая его взгляда, сказал: «Мы сделали всё, что могли. Слишком тяжёлая черепно-мозговая травма...»

Расследование было коротким и грязным. Водителем оказался Маркус Торн, сын крупного застройщика, совладельца компании «Торн-Девелопмент». Свидетели, сначала активно делавшие показания, вдруг замолчали или «не могли точно вспомнить». Появилась версия, что тётя Ира «неожиданно вышла на проезжую часть». Протоколы осмотра места ДТП куда-то исчезли. Анализ крови Маркуса Торна показал следы рецептурного препарата, но его адвокат предоставил справку о том, что клиент проходит курс лечения от «синдрома дефицита внимания» и препарат был принят по назначению врача.

Судьёй по делу была назначена Патриция Хьюз, недавно назначенная в апелляционный суд, известная своей «эффективностью» в закрытии деликатных дел. Заседание длилось полчаса. Адвокат Торна говорил о «трагической случайности», о «непреднамеренном стечении обстоятельств», о «чистосердечном раскаянии» своего клиента и о том, что тот готов оплатить все расходы. Судья Хьюз, не задав ни одного вопроса родственникам погибшей, удалилась для вынесения решения.

Приговор был оглашён на следующий день. Маркус Торн признан виновным в «нарушении правил дорожного движения, повлекшем по неосторожности смерть человека». Наказание: штраф 5000 долларов и приостановление водительских прав на год. Условно.

Виктор стоял в зале суда, окаменев. Он не плакал. Он смотрел на ухоженное, безразличное лицо судьи Хьюз, на самодовольную усмешку Маркуса Торна, на его адвоката, который уже упаковывал портфель. Он видел не людей. Он видел механизм. Чистый, отлаженный, бесчеловечный механизм по перемалыванию жизней в пользу сильных.

В тот же вечер он открыл свой дневник. Страница была чистой. Он взял ручку и вывел несколько строк, которые стали его клятвой, его приговором самому себе и миру:

«19 сентября. Сегодня не стало тётки Иры. Она пошла в аптеку. Её сбила машина. Сын застройщика. Свидетели «ничего не видели». Судья — Патриция Хьюз. Приговор — штраф и приостановление прав. Тётя Ира умерла, не приходя в сознание. Она всегда говорила: «Виталька, правда всегда наверху». Она ошиблась. Правда лежит на дне. И её надо доставать. Самому. Иначе она сгниёт. Кто, если не я?»

Он закрыл дневник. В его глазах не было слёз. Только холодная, абсолютная ясность. Мальчик-правдолюб умер вместе с тёткой Ирой. Родился тот, кто возьмёт правосудие в свои руки. Ещё без имени. Но уже с миссией.

Часть II: ПОДПОЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (2010–2015)

Глава 5: Метаморфоза (2010–2012)

Следующие два года Виктор Морозов исчез. Официально — он числился студентом вечернего колледжа, подрабатывавшим где-то. На деле — он прошёл свой собственный, мрачный университет.

Он оформил документы на имя Виктора Степанова — девичью фамилию матери. Это дало ему чистую историю. Он устроился курьером, затем архивным помощником в крупную юридическую фирму. Работа была скучной, но она давала ему бесценное — доступ. Доступ к судебным базам данных, к архивам закрытых дел, к служебной переписке. Ночью, когда офисы пустели, он не уходил. Он изучал. Он впитывал информацию, как губка. Он искал не просто факты, а паттерны — как именно «правильные» люди избегают наказания.

Он посещал курсы столярного дела в общественном центре. Его учитель, старый поляк, удивлялся его таланту и странной сосредоточенности. «Ты не просто вещь делаешь, парень, — говорил он, качая головой. — Ты будто душу в неё вкладываешь. Холодную такую, металлическую». Виктор делал шкатулки, рамки, потом перешёл к миниатюрам. Его руки, научившиеся чувствовать дерево, теперь учились чувствовать сталь и латунь.

В 2011 году он арендовал гараж в Бриджпорте. Его первая мастерская. Здесь, среди запаха стружки и олифы, родился его символ. Маленькие латунные весы. Он отливал их сам, долго добиваясь идеального баланса пустых чаш. Весы были не инструментом измерения, а воплощением его главной идеи — дисбаланса мира. На одной чаше должна была лежать вина, на другой — ничтожное наказание. Его задача — сделать этот дисбаланс видимым, осязаемым, вопиющим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.